

УДК 81'37; 003; 81'26

Соколова Я.,
Корина Н. Б.**«Центризмы»
в лексическом пространстве
языка**

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются «центризмы» в лексическом пространстве языка в связи с естественным и рефлексивным ориентационным поведением пользователей языка. Для конституирования языка принципиальное значение имело и имеет установление связей аналогии между внеязыковой деятельностью человека с одной стороны и его лингвокреативной деятельностью с другой стороны. С этой точки зрения особый интерес представляет функционирование т. н. «центризмов» в языке, к которым можно отнести антропоцентризм, этноцентризм, андроцентризм и эгоцентризм. Для рассмотрения привлекается материал словацкого и русского языков.

Ключевые слова: принцип, антропоцентризм, этноцентризм, андроцентризм, эгоцентризм.

Sokolová J.,
Korina N. B.**'Centrisms'
in the lexical space of language**

АБСТРАКТ

The study focuses on 'centrisms' in the lexical space of the language in relation to the natural and reflexive behavior of language users. The analogy between extra-linguistic activities of man on one hand and activities in the field of the language creation on the other hand has always been a very important part of language formation. In this context, the research on the functioning of the so called 'centrisms' in language — which include an anthropocentrism, ethnocentrism, androcentrism and egocentrism — seems to be very interesting. The study is based on the material of the Slovak and Russian languages.

Key words: principle; anthropocentrism; ethnocentrism; androcentrism; egocentrism.

Пространство языка понимается как метафорическая, фиктивная сущность, интуитивно связанная с языковой системой. В наиболее общем смысле можно сказать, что языковая система имеет такой характер, который соответствует ориентационным потребностям её пользователей. Это следует, в частности, из логики поведения: человек в стандартных жизненных ситуациях ориентируется на основании собственного опыта и его интерпретаций. Он обладает знаниями о языковых элементах и структурах,

полученными в процессе овладения языком. Языковое поведение аналогично, поскольку в его основе лежит как естественное, так и рефлексивное ориентационное поведение. Естественное ориентационное поведение основано на опыте, что язык создавался на основе инференций (логических заключений) о повторяемом проявлении свойств, явлений и типичных взаимосвязей, поэтому языковая система формировалась как систематизация языковых средств на инференционной основе. Рефлексивное ориентационное поведение

связано с представлением о том, что для конституирования языка принципиальное значение имело и имеет установление связей аналогии между внеязыковой деятельностью человека с одной стороны и его лингвокреативной деятельностью с другой стороны [1]. С этой точки зрения особый интерес представляет функционирование т. н. «центризмов» в языке, к которым можно отнести антропоцентризм, этноцентризм, андроцентризм и эгоцентризм.

В настоящей статье мы на основании принципа естественной ориентации рассмотрим «центризмы» в лексическом пространстве языка на материале словацкого и русского языков. Работа выполнена в рамках грантового проекта VEGA 1/0376/12 «Когнитивные доминанты в языке и культуре».

Антропоцентризм с лингвистической точки зрения представляет собой совокупность свойств языка, обусловленную тем, что вещи и явления мира человек познаёт с точки зрения своих предпочтений. В лингвистике не случайно бытует мнение, что лексический фонд любого естественного языка имеет две доминанты – человека и мир. Поэтому в любом языке содержатся лексические выражения, изначально связанные с человеком: наименования человека, наименования частей тела, наименования физических и психических качеств, наименования артефактов и т. д. Их перенос на другие понятийные домены является принципом метафорических и метонимических номинаций, ср.: словац. *ucho šálky, hrdlo fľaše, noha stoličky, ruka zákona, bezzubý zákon, položiť na kolená, ■ zlé языку tvrdia; ■ íst hlava-nehlava; ■ biť hlava-nehlava; ■ ruka v ruke; ■ mať voľné ruky*; рус. *ручка чашки, горлышко бутылки; ножка стула; рука закона, ■ поставить на колени* и т. п. (тут и далее знаком ■ обозначены фразеологические единицы).

В связи с антропоцентризмом чаще всего упоминается лексика, связанная с названиями родства. Классификационная структура родства, согласно К. Леви-Строссу, в большинстве языков основана на развитии четырёх основных родственных отношений: *брат – сестра, муж – жена, отец – сын, брат матери – сын сестры* [2, с. 146]. В словацком и русском языках ядро системы наименований родства составляют

пары, различающие пол, возраст (старший – младший) и линию прямого (кровного) родства: словац. *matka, otec; syn, dcéra; brat, sestra; starý otec, stará matka; vnuk, vnučka; teta, strýko; bratranec, sesternica; synovec, peter*; рус. *мать, отец; сын, дочь; брат, сестра; бабушка, дедушка; внук, внучка; тётя, дядя; двоюродный брат, двоюродная сестра; племянник, племянница*. Следующий уровень классификации образуют выражения на более высокой ступени абстракции, ср. словац. *rodícia (matka + otec), deti (syn + dcéra; syn + syn; dcéra + dcéra); súrodenci (brat + sestra + ...; brat + brat + ...; sestra + sestra + ...)*, указывающие на различную меру конкретизации и дифференциации. В русском языке есть выражения *родители* и *дети*, однако нет однословного наименования для детей одних родителей независимо от их пола (словац. *súrodenci*). Для данной цели используются наименования *братья* и *сёстры*, которые необходимо дифференцировать в зависимости от пола и количественного соотношения. Поэтому словацкое выражение *Mám troch súrodencov* может в русском языке иметь четыре различных эквивалента в зависимости от полового состава детей, к которым оно относится: *У меня две сестры и (один) брат; У меня два брата и (одна) сестра; У меня трое братьев; У меня трое сестёр*. Отношения в кругу близких родственников в каждой культуре являются в значительной степени институционализированными и определяются общественными нормами. С другой стороны, они являются одной из наиболее личных сфер жизни каждого человека и формируют у него представление о *доме, малой родине* [3].

На антропоцентризм указывают также выражения, обозначающие измерения на основе пропорций человеческого тела: словац. *krok, palec, lakeť, stopa, hlt, dúšok, hrst', náruč'; po pás, (sukňa) po kolená, po členky, po krk; (starosti) vyše hlavy; ■ Lepšia hrst' šťastia ako vrece rozumu; ■ úder pod pás*; рус. *локоть, шаг; глоток; горсть; по пояс; по горло, до колен (юбка), до пят (пальто), по уши, выше головы; по локоть, по грудь, по плечо; по пальцам можно сосчитать; поставить ноги на ширину плеч; ■ Пьяному море по колению; ■ удар ниже пояса*.

Поскольку человек непосредственно связан с природой, антропоцентрический взгляд на мир проявляется в её категоризации. Значительная часть наименований животных, растений и неживых предметов присваивается с точки зрения пригодности для человека, поэтому они часто содержат имплицитную оценку. Напр., положительная оценка связана со словац. *orná pôda, jedlé huby, domáce zvieratá*; рус. *пахотная земля, съедобные грибы, домашние животные, божья коровка*, в то время как словац. *jedovaté huby, škodcovia, burina, divé zvieratá, divočina*; рус. *ядовитые грибы, вредитель, сорняк, дикие звери* и т. п. содержат отрицательную оценку [4].

Этноцентризм – это обозначение и наименование мира с точки зрения собственной культуры. Этноцентрическое культивирование языка помогает этносу отграничиться от остальных, а главное, формировать и сохранять свои традиции. Следствием этого может стать превращение какой-либо культуры в образцовую, в своего рода модель. В лингвистике этноцентризм часто связывается с т. н. этностереотипами [5], а также с представлением, что одни языки более богаты, абстрактны, сложны, а потому и более ценны, чем другие [6].

Следы этноцентризма можно отметить в словацких выражениях *ruská zima* (русская зима, т. е. очень холодная зима), *ruská ruleta* (русская рулетка, т. е. ставить на кон жизнь), *svojbytný národ* (самобытный народ), *svojbytnosť* (самобытность), *západné krajiny* (страны Запада), *nemecký výrobok* (немецкий продукт), *francúzska móda* (французская мода), *taliansky dizajn* (итальянский дизайн), *český krištál* (чешский хрусталь), *maďarská saláma* (венгерская салями), которые в словацком языке обладают позитивной оценкой, и в выражениях с негативной коннотацией *ci-gániť* (врать, букв. «цыганить»); *maďarizácia* (мадьяризация); *gastarbajter* (гастарбайтер); *sociálne neprispôsobiví občania* (цыгане, букв. «социально неприспособляемые граждане»); *poľské potraviny* (польские продукты); *čínsky tovar* (китайский товар) и т. п. Подобные примеры можно найти и в

русском языке: положительные коннотации имеют выражения *французская мода; финская черепица; итальянский дизайн; немецкая пунктуальность*; с негативными коннотациями связаны выражения *турецкая блузка; лица кавказской национальности; гастарбайтер* и др.

С этноцентризмом связано и противопоставление *свой ↔ чужой*, являющееся одной из доминант культуры. Данному явлению посвящено множество исследований преимущественно лингвистического и (лингво)культурологического характера [7, 8, 10, 11, 12, 2 и др.].

Андроцентризм – это культурная (и лингвокультурная) концентрация на мужчину. В андроцентрическом мышлении мужское становится мерилем человеческого. Андроцентризм был характерен для патриархальных обществ, где общее определение человека совпадало с определением мужчины. Языковую картину мира с позиций андроцентризма, т. н. «патриархальной парадигмы», можно фрагментарно обнаружить как в русском, так и в словацком языке.

В частности, образование наименований женщин от наименований мужчин (словац. *prechýľovanie*), которое применительно к немецкому языку получило название *мовация* [13], рассматривается как тип транспозиционной категории. В словацком языке она является весьма продуктивной, в то время как в русском выступает маргинально: словац. *lekár → lekárka, profesor → profesorka*; рус. *врач → Ø, профессор → Ø*. Некоторые словацкие существительные имеют только форму мужского рода, от них невозможно образовать наименования женщин, напр., *človek, hosť* (ср. рус. *гость / гостья*), *miláčik*; другие, наоборот, только женского рода, ср. словац. *osoba, bytosť* (ср. рус. *лицо / персона, существо*). В русском языке существует другое любопытное явление: закрепление названия профессии только за мужчиной или женщиной, что приводит к «ложной гендерной парности» наименований: напр., *машинист* (мужчина, водитель железнодорожного транспорта) и *машинистка* (женщина, профессионально владеющая машинописью).

Несмотря на свою гендерную сущность, андроцентризм является прежде всего социальным и культурным феноменом. В качестве культурного феномена часто интерпретируется отцовская любовь, которая, в отличие от материнской любви, не детерминирована биологически. Мужчины, как правило, культурно связаны с общественной сферой, в то время как женщины более связаны с личной сферой. Три основных мировых религии (христианство, ислам и буддизм) являются по своей сути андроцентрическими.

Эгоцентризм языковой системы исходит из эгоцентрического восприятия мира человеком. Согласно Э. Фромму, человек является единственным существом, способным сказать *я*. Языковой эгоцентризм проявляется в оппозициях *я ↔ не я, мой ↔ не мой*.

Рассмотрение *я* как личности является рассмотрением *эго* в различных аспектах: феноменологическом, биологическом, духовном, материальном, идеологическом, интеллектуальном, языковом, интеракционном и т. п. Само *я* с точки зрения психологии имеет три взаимосвязанных аспекта, которые предполагают друг друга: *я*, т. е. идентичность (самобытность), *эго* (субъективность) и «образ *я*» (представление о себе самом). Идентичность психики и поведения индивида, т. е. *я*, невозможна без определённого регулятивного источника, который требует наличия самосознания. *Эго* как направляющий механизм предполагает непрерывность психической деятельности и наличие информации о самом себе. «Образ *я*» словно завершает формирование идентичности и субъектности личности и одновременно корректирует её поведение. Каждый из указанных аспектов обладает своей собственной спецификой. Мы наблюдаем как бы три разных уровня личности: (1) *реальное я*, (2) *идеальное я*, (3) *ожидаемое я* [14].

Конкретная личность презентует себя в социальном и языковом контексте посредством системы проприальных идентификаторов, имеющих прескриптивно определённую форму. В словацком языке её составляет (с конца XVIII века) двухчленная формула номинации – имя + фамилия, в рус-

ском языке – имя + отчество + фамилия. Наряду с официальной системой наименований существует неофициальная, фамильярная, составной частью которой являются прежде всего гипокористические (уменьшительные) имена.

Кроме проприальной идентификации, индивид презентует себя лексически, ср. словац. *človek, osoba, osobnosť, individualita, individuum* (в т. ч. пейоративно), *jednotlivec, jedinec, chlap*; экспр.: *chlapík, maník* и т. д.; рус. *человек, лицо, личность, индивид, индивидуум, персона, особа*; экспр.: *тип, кадр, чувак* и т. д. Напр., в отрывке из текста А. Платонова «Котлован» один и тот же персонаж обозначен как *я, лицо, Чиклин, никто, мы*, ср.:

– *А ты покажь мне бумажку, что ты действительное лицо!*

– *Какое я тебе лицо? – сказал Чиклин. – Я никто; у нас партия – вот лицо!*

П. Рикёр [15] в этой связи отмечает, что даже если в повествовании человек сам себя обозначил как *никто*, важно, что этим *никто* он назвал именно себя.

Я – это одно из наиболее проблематичных индексных выражений, выделяемое по отношению к *ты, мы* и т. п. *Ты* зачастую оценивается как привилегированная комплементарная противоположность к *я*. В. А. Гуреев свёл специфику деиктора *я* к следующему: «...уникальность личного местоимения «я» как лингвистического феномена определяется, во-первых, неразрывным единством говорящего и личности («говорящая личность» или «говорящее лицо»), во-вторых, высшей степенью индивидуализации личности, в-третьих, коммуникативной ориентацией речевого содержания на речевое функционирование и, наконец, отнесённостью *я*-высказываний к прагматическому уровню (модусному содержанию) языка» [16, с. 63]. Как подчёркивает Дж. Лайонз [2010], эгоцентрической является дейктическая система, причём примарная разделительная линия проходит между первым лицом (*эго* со знаком плюс) и остальными лицами, т. е. вторым и третьим (*эго* со знаком минус).

Я как индивидуальный грамматический субъект является составной частью языковых

микроситуаций, основанных на специфической конфигурации семантических компонентов, которые выделяются в рамках т. н. элементарных структур предложения [18, с. 57 – 131]. Особенностью словацкого языка является неэксплицированность я в высказывании в форме личного местоимения, ср.: словац. *Som učiteľka* – рус. *Я учительница*; словац. *Som vydatá dva roky* – рус. *Я замужем уже два года*; словац. *Vždy hovorím pravdu* – рус. *Я всегда говорю правду*; словац. *Práve som v autobuse* – рус. *Я сейчас в автобусе* и т. д. Упо-

ребление я перед глагольной формой обусловлено актуальным членением предложения, когда местоимение тематизируется, а глагольное сказуемое становится ремой, ср.: *Ja pôjdem do obchodu; Ja vždy hovorím pravdu*.

Даже эти отдельные фрагменты выражения «центризмов» в языке свидетельствуют об иерархической организации средств ориентации в (лексическом) пространстве языка с точки зрения их принадлежности к центру и периферии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Johnstone В. Discourse Analysis. 2-nd edition. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. 292 p.

2. Eriksen T. H. Sociální a kulturní antropologie. Příbuzenství, národnostní příslušnost, rituál. Praha: Portál, 2008. 408 s.

3. Kiššová Mária. Subversive and Disturbing Concepts in What Becomes by A.L. Kennedy // American and British Studies Annual. 2011. Vol. 4. Pp. 57 – 66.

4. Biber D. Variation across Speech and Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 299 p.

5. Bartmiński J. Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne. Lublin: UMCS, 2009. 360 s.

6. Slovník súčasného slovenského jazyka. A – G. Hlavná redakcia K. Buzássyová, A. Jarošová. Bratislava: Veda, 2006. 1168 s. (SSSJ)

7. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 345 с.

8. Квакин А.В. Архетип, ментальность и оппозиция «свой – чужой» в контексте истории, 2001 г. URL: <http://akvakin.narod.ru/Documents/mif.pdf> (дата обращения 15.09.2013).

9. Белова О.В. Восприятие «чужого» языка в народной культуре славян (этнолингвистический аспект) // XIV Меѓународен славистички конгрес. Зборник на резимеа. Т. 1. Лингвистика / XIV Меѓународен славистички конгрес, Охрид, 10 – 16 септември 2008.

Скопје: Македонски славистички комитет, 2008, с. 144.

10. Янкова Венета. Към проблема за «перевода» на езика на «другата» култура // Slavica XXXVIII. Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Ed. Nava-Vanda Sahverdova. Debrecen, 2009, С. 105 – 115.

11. «Своё» и «чужое»: Межкультурные коммуникации в полипарадигмальном аспекте: коллектив. моногр. / Под ред. Л.А. Шкатовой. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. 185 с.

12. Fleischer Michael. Das System der russischen Kollektivsymbolik (eine empirische Untersuchung). Specimina Philologiae Slavicae 116. München: Otto Sagner Verlag, 1997. 165 p.

13. Ластовкина О.Э. Мовированные имена лиц женского пола в фокусе феминистической лингвистики, 2012 г. URL: <http://deutsch-sprechen.ru/movirovannye-imena/> (дата обращения: 28.09.2013).

14. Conley Ch. Emoční rovnice. Jednoduché pravdy k vytvoření štěstí + úspěchu. Praha: Nakladatelství Dobrovský, 2012. 312 s.

15. Ricoeur P. Filosofie vůle I. Fenomenologie svobody. Praha: OIKOYMENH, 2001. 528 s.

16. Гуреев В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. 2004. № 53. Ч. 2. С. 57 – 67.

17. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. [Пер. с англ.] М.: Едиториал УРСС, 2010. 544 с.

18. Grepl M., Karlík P. Skladba češtiny. Olomouc: Votobia, 1998. 504 s.

REFERENCES

1. Johnstone B. Discourse Analysis. 2-nd edition. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. 292 p.
2. Eriksen T. H. Sociální a kulturní antropologie. Příbuzenství, národnostní příslušnost, rituál. Praha: Portál, 2008. 408 p.
3. Kiššová Mária. Subversive and Disturbing Concepts in What Becomes by A.L. Kennedy. In: American and British Studies Annual. Vol. 4 (2011). Pp. 57 – 66.
4. Biber D. Variation across Speech and Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 299 p.
5. Bartmiński J. Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne. Lublin: UMCS, 2009. 360 p.
6. Slovník súčasného slovenského jazyka. A – G. Hlavná redakcia K. Buzássyová, A. Jarošová. Bratislava: Veda, 2006. 1168 p. (SSSJ)
7. Krasnykh V.V. Proxy Allies: The Myth or Reality? Moscow: Gnosis Publ., 2003. 345 p.
8. Kvakin A.V. Archetype, Mentality and Opposition „Own – Alien“ in the Context of History, 2001. URL: <http://akvakin.narod.ru/Documents/mif.pdf> (accessed: September 15, 2013).
9. Belova O.V. Perception of the “Alien” Language in the Folk Culture of the Slavs (Etholinguistic Aspect) //XIV Megunaroden slavistichki congress. Zbornik na rezimea. T.1. Linguistika / XIV Megunaroden slavistichki congress, Okhrid,

10-16 septemvri 2008. Skopje: Makedonski slavistichki komitet, 2008. P. 144.

10. Yankova Veneta. Kam problema za “pe-revoda” na ezika na “drugata” kultura. In: Slavica XXXVIII. Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Ed. Nava-Vanda Sahverdova. Debrecen, 2009, Pp. 105 – 115.
11. „Own“ and „Alien“: Intercultural Communications in the Paradigm Aspect. Ed. L.A. Shkatova. Chelyabinsk: Chelyabinsk St. Univ., 2003. 185 p.
12. Fleischer Michael. Das System der russischen Kollektivsymbolik (eine empirische Untersuchung). Specimina Philologiae Slavicae 116. München: Otto Sagner Verlag, 1997. 165 p.
13. Lastovkina O.E. Movirovannie imena lits zhenskogo pola v fokuse feministicheskoi lingvistiky, 2012. URL: <http://deutsch-sprechen.ru/movirovannye-imena> (accessed September 28, 2013).
14. Conley Ch. Emoční rovnice. Jednoduché pravdy k vytvoření štěstí + úspěchu. Praha: Nakladatelství Dobrovský, 2012. 312 s.
15. Ricoeur P. Filosofie vůle I. Fenomenologie svobody. Praha: OIKOYMENH, 2001. 528 s.
16. Gureev V.A. Yazikovoi egocentrizm v novikh paradigmakh znaniya. In: Voprosi yazi-koznaniya. 53, 2, 2004. Pp. 57 – 67.
17. Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. [Translated to Russian.] Moscow: Editorial URSS, 2010. 544 p.
18. Grepl M., Karlík P. Skladba češtiny. Olomouc: Votobia, 1998. 504 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ:

Соколова Яна

зав. кафедрой русистики, профессор, кандидат филологических наук, доктор философии
 факультет философии
 Университет им. Константина Философа
 Штефаникова 67, г. Нитра, 949 74, Словакия
 E-mail: jsokolova@ukf.sk

Корина Наталья Борисовна

профессор, кандидат филологических наук, доктор философии
 факультет философии
 Университет им. Константина Философа
 Штефаникова 67, г. Нитра, 949 74, Словакия
 E-mail: nkorina@ukf.sk

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Sokolová Jana

PhD in Philology, Doctor of Philosophy, Professor
 Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre,
 Filozofická fakulta
 67 Štefánikova St., Nitra, 94974
 Slovakia
 E-mail: jsokolova@ukf.sk

Korina Natália

PhD in Philology, Doctor of Philosophy, Professor
 Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre,
 Filozofická fakulta
 67 Štefánikova St., Nitra, 94974
 Slovakia
 E-mail: nkorina@ukf.sk

Acknowledgements: Slovak research grant VEGA 1/0376/12 *Cognitive Dominants in Language and Culture*.